

ДУХОВНА ОСВІТА

*Епископ Максим (Дмитриев)***Проблемы приходского
тайноводства и духовное
образование¹**

В своем знаменитом «Слове о священстве» святитель Григорий Богослов так определяет основную задачу пастыря: «Соделать богом и причастником горнего блаженства» тех, кого вверила ему Церковь². Пастырь Церкви — это благодатный посредник в предстоянии верующих пред Богом. Святой апостол Павел говорит о том, что пастырское посредничество не человеческое, но Христово: *Итак, мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом* (2 Кор. 5:20).

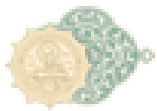
Ради этого служения, состоящего «в строении Таин Божиих, проповеди слова Божия и попечительном руководстве людей в духовной жизни»³, сам пастырь Церкви облачается в Таинстве Священства силою и властью Духа Святого. В составе триединой задачи православного пастырства: учительства, тайноводства и душепопечения — тайноводство занимает особое место. Если учительство и душепопечение — это, можно сказать, приготовление к богообщению, то домостроительство Таин Божиих — это непосредственно Божественная сфера Духа Святого, это реальность Небесного Царства здесь, на земле.

Печально, что, имея столь высокое учение о пастырстве, современные верующие умаляют значение этого посредничества. «За последнее время среди верующей интеллигенции и в самой пастырской среде упрочился «душевный», «естественный» взгляд на служение пастыря: поднимаются голоса, требующие повысить проповедничество и пастыр-

¹ Доклад на II Международной научно-практической конференции «Духовное и светское образование: история взаимоотношений — современность — перспективы» (18–19 октября 2010 года, Киевская духовная академия).

² Григорий Богослов, свт. Слово о священстве // Собрание творений: в 2 т. М., 2000. Т. 1. Слово 3.

³ Певницкий В. Ф. Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении. К., 1892. С. 1–2.

ское руководство и одушевить его. При этом стороны тайноводственная и молитвенная в современном церковном сознании отступают на второй план как неважные, малоинтересные и механичные», — писал в конце сороковых годов XX века видный пасторолог и подвижник благочестия епископ Вениамин (Милов)⁴.

Если владыка Вениамин говорит такие слова о поколении исповедников и мучеников, то тем более актуально это звучит в наши дни. С большим сожалением приходится отметить, что в современных храмах не только к тайноводству, но и к проповеди заметно снижение того напряженного внимания, какое было характерно для 1960–80-х годов. Современному верующему, обычно поверхностно воцерковленному, трудно вообразить, что чудо реального богообщения создается в каждом православном храме во время Святой Евхаристии, поэтому для достижения богообщения не нужно отбывать за тысячи километров, чтобы приобщиться к Святыне. Вряд ли имеет смысл бесконечный поиск особых благодатных духовных наставников, если в каждом канонически верном пастыре Церкви видеть благодатного посредника, вводящего через Таинства в горний мир.

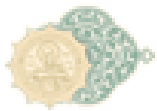
В этом свете и само пастырство, и тем более приготовление к пастырству, кажется делом исключительной сложности. Можно передать сумму знаний, необходимых для учительства верующих, систематизировать и описать хотя бы внешне приемы душепопечения и чины совершения Таинств, но передать опыт аскетических переживаний, даже описательно, почти невозможно — потому что этот опыт, с одной стороны, глубоко субъективен, с другой — он-то и составляет основной объект изучения.

Конечно, этот вопрос явился не в наши дни. Еще в конце Синодального периода в духовных школах предпринимались попытки в учебных программах объективировать этот опыт Церкви. Результатом явилось преподавание в некоторых духовных школах начала XX века курсов аскетики. Исследователи связывают начало преподавания этого предмета с именем архиепископа Феодора (Поздеевского), ректора Московской духовной академии с 1909 по 1917 год⁵.

В наши дни, когда вопрос физического выживания духовных школ уже не стоит так остро, как в предшествующие десятилетия, вопрос созидания будущих пастырей — домостроителей Тайн Христовых — приобретает всё большую актуальность.

⁴ Вениамин (Милов), еп. Пастырское богословие с аскетикой. Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. С. 29

⁵ Роман (Лукин), игум. Аскетические воззрения архиепископа Феодора Поздеевского [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.stavropol-eparhia.ru/seminary/trudy/lukin/asket/vved.html>].

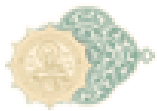
С одной стороны, служение пастыря обращено к повседневности: пастырь должен возвещать слово истины на понятном языке. Но с другой стороны, пастырь не может оставить без внимания свое главное предназначение: вводить верующих в Таинства Церкви. Ибо жаждет душа человеческая не только познаний о горнем мире, не только слов о спасении. Но жаждет душа человеческая приобщения к горнему, и быть спасенной.

И в прежние годы человеку было скучно сухое морализаторство пастырей Церкви. Катехизация как простое приобретение чисто теоретических знаний без тайноводства, о чем в Древней Церкви даже невозможно было подумать, созидает сообщества, если так можно сказать, христианских гностиков, т. е. тех, кто про все знает, но в реальности не имеет возможности даже для самого себя воспользоваться хоть чем-то из своих знаний.

Из-за ослабления тайноводства, из-за невыполнения священником миссии *домостроителя Тайн Божиих* (1 Кор. 4:1) рождается дух рационализма. При этом рационализм лишает нашу паству именно того, что она ищет в Церкви — сообщения с миром иным. Современный расцвет самых примитивных духовных практик: магизма, оккультизма, сектантства, особенно неопятидесятничества — во многом объясняется тем, что человек не вводится в сакральную жизнь Православной Церкви — еще и потому, что мы недостаточно пока уделяем внимания этим вопросам в духовных школах.

Некоторые современные православные миссионеры едко посмеиваются над верующими, считающими, что духовная жизнь и состоит в «правильном» поставлении свеч и манипуляциях с землей и водой со святых мест. Но вина этого духовного невежества наших прихожан лежит, прежде всего, на пастырях, неспособных показать пути приобретения истинной духовности.

С одной стороны, на приходе может быть библиотека и воскресная школа, богословски грамотный пастырь, и при этом — полная практическая невозможность верующих духовно изменить свою жизнь. Получается, что внешне в общине все налажено, совершаются богослужения, произносятся проповеди, но человек как бы лишен благодатного измерения. Его жизнь, семья, проблемы как бы вытеснены на периферию приходской жизни. Поэтому в лучшем случае приобщение к сакральной сфере, где наиболее раскрывается душа человека, вся интенсивность молитвы и духовных переживаний, переносятся на частные требы — молебны, панихиды, те же свечи. Будущим пастырям должны быть известны эти проблемы и основной путь их решения — научиться вводить эти переживания — и прихожан, да и свои собственные — в сердце нашего богослужения — Божественную литургию.

Более того, духовная школа, по нашему мнению, должна в полной мере стремиться стать не просто слаженно и профессионально действующим организмом или даже дружной семьей, но евхаристической общиной. Кажется, здесь имеются все средства — богословская грамотность, духовное окормление, дисциплина, наличие опытных наставников, богатейшие традиции лучших лет духовных школ.

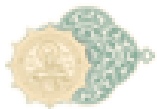
Хочется сказать о понятии «евхаристическая община», которое достаточно часто используется в современной богословской литературе, хотя самого этого термина не знала Древняя Церковь, ибо в древности община христиан не могла быть не евхаристической. И теперь мы не можем, при всех недостатках нашей приходской жизни, подозревать в «неевхаристичности» тот или иной приход, где имеется канонически законно поставленное священство. Мы можем говорить о недостатках в тайноводстве наших верующих, и в этом смысле говорить о «евхаристичности» как основном принципе, способном изменить к лучшему духовную жизнь в наших приходах и духовных школах.

Нельзя не отметить, что осмысление евхаристичности как основного принципа духовной жизни общины, а также рождение и развитие так называемого евхаристического богословия были выстраданы всей историей нашей Церкви прошлого века.

В XX век наша Церковь входила, казалось, ожидая духовного расцвета. Бурное развитие богословских наук, кардинальные изменения к лучшему в духовных школах вызвали искренний интерес к православному богослужению, иконописи, церковной музыке и литературе даже в среде секуляризированных слоев общества. Вершиной этого движения духовного возрождения стал Поместный собор Православной Российской Церкви (1917-1918) и избрание Святейшего Патриарха Тихона. Одним из значимых вопросов, обсуждаемых на Поместном Соборе, был вопрос о созидании прихода не просто как административной единицы граждан православного исповедания, но как евхаристической общины. Решения по этому вопросу были встречены церковным народом с большим воодушевлением.

Наступившие годы гонений подтвердили истинность этих чаяний. В условиях фактического разрушения административных епархиальных структур Церкви, разорения духовных школ и монастырей, при почти полном отсутствии литературы, возможности проповеди, миссионерства, социального служения Церковь выстояла как евхаристическая община во главе с пастырем.

Похожие процессы имели место и в зарубежье. В условиях полной политической свободы Церковь все же оказывалась ограниченной в инославном окружении и иноязычной среде. Этому же способствовала и каноническая неопределенность и раздробленность существовавших в за-

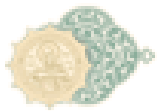
рубежье общин. Но ученые богословы и простые православные люди, размышляя о духовном смысле эмиграции, видели оправдание своего существования вне родины в созидании евхаристической общины. Более того, горький опыт чужбины учил видеть смысл русского рассеяния, в том, чтобы свидетельствовать инославному миру о Православной Евхаристии. И в зарубежье пастырь, даже если он богослов с мировым именем, — это, прежде всего, строитель Таин Божиих и член евхаристической общины.

Казалось бы, что в дореволюционной духовной школе могло быть суше, регламентированней устава и литургики? Но богословие зарубежья делает едва ли не главными предметами своего изучения экклезиологию, литургическое богословие, гимнографию. Труды протопресвитера Николая Афанасьева, архимандрита Киприана (Керна), протоиерея Георгия Флоровского, Владимира Николаевича Лосского и многих других богословов русского зарубежья возникли именно в евхаристической общине. Они стали не только объектом самого пристального внимания во всех Поместных Православных Церквях, но и свидетельством о Православии инославному Западу.

Сегодня мы имеем огромный исповеднический опыт новомучеников Российских, а также научно-богословский пласт мысли, способный послужить делу созидания прихода на принципах евхаристичности. Думается, что без вдумчивого изучения этого наследия в духовных школах багаж этот будет лишь сферой узкобогословских исследований и предметом личных научных интересов отдельных церковных ученых. Между тем, этот поистине драгоценный и выстраданный опыт и материал должен стать достоянием всего православного народа.

Используя это наследие, мы не только повысим познания наших воспитанников — мы сможем привить им отношение к тайноводству, как к важнейшему делу их будущей пастырской деятельности.

Проблема тайноводства, наряду с другими важными учебно-методическими, организационными и хозяйственными вопросами, в духовном строительстве наших приходов и духовных школ стоит как никогда остро. Сейчас в жизни нашей Церкви совершаются важные перемены. На смену массовым крещениям приходит естественное желание организовать институт катехизации на приходах. Это, безусловно, очень важный момент, и нам нужно стремиться к тому, чтобы в сознании наших будущих прихожан посещение тайноводственных занятий не стало бы очередной скучной формальностью для получения разрешения на Таинство Крещения. Опыт тайноводства, полученный в духовной школе, как в полном смысле евхаристической общине, будущим пастырем, несомненно, в свое время должен лечь в основу катехизации прихожан. Особую значимость эта проблема в жизни наших духовных

школ приобретает потому, что, в отличие от прошлого, когда воспитанники семинарий происходили большей частью из духовного сословия, которое, несмотря на отдельные нестроения в своей среде было вписано в вековые традиции православной духовности. С раннего детства Таинства для будущих пастырей были необходимой и неотъемлемой частью их жизни. В наши дни, осмысленная евхаристическая жизнь воспитанника, как правило, начинается и протекает в стенах духовной школы.

Строго православное, святоотеческое в догматическом и каноническом ракурсе осмысление в стенах духовных школ опыта общин времен гонений, а также трудов православных богословов XX века позволит избежать тех печальных экспериментов с мнимой «общинностью», которые, увы, имели место в единичных случаях и в некоторых православных приходах, а Римо-Католическую Церковь привели к серьезному кризису литургической жизни, выразившемуся в опустении храмов. Поскольку таиноводство и, в частности, евхаристичность — это не внешние эксперименты с убранством храма и отменой субординации между пастырем и прихожанами — евхаристичности не может мешать иерархическое устройство Церкви. Но евхаристичности мешает средостение греха, разделяющего людей. Поэтому евхаристичность — это прежде всего подвиг любви и едва ли не единственное оправдание и личного, и иерархического существования пастыря. Это не формальные и рассудочные элементы в служении пастыря, но весь смысл его жизни.

В заключение хочется вспомнить прекрасные слова архимандрита Киприана (Керна), которые мы непременно должны поставить во главу угла при воспитании будущих пастырей Церкви: «Священнику, как и всякому простому смертному, могут быть от Бога даны или не даны известные таланты. Он может оказаться плохим оратором, или неспособным администратором своего прихода, скучным преподавателем Закона Божия, может быть, даже нечутким и слишком требовательным духовником, чтобы уже не говорить о том, что он может быть совершенно лишен пафоса социального служения; но все это будет ему прощено и не зачеркнет его духовного делания, если только он обладает чувством евхаристичности, если он не перестает считать своим главным делом «строительство Таин» и служение Божественной литургии, для мистического причащения и себя, и пасомых Телу Христову, ради их Обоже-ния и приобщения Божескому естеству, по слову ап. Петра (2 Пет. 1, 4). Большой власти и большего мистического средства не дано священнику, чем это служение святых Тела и Крови. Это и должно быть делом жизни священника»⁶.

⁶ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Свято-Троицкая Православная Миссия, 2000. С. 17–18